

въ знакъ его прощенія. Она общаетъ, но тогдажъ отказываетъ. Омаръ забывъ наставленія мудреца проситъ, молитъ, самъ на себя негодуетъ за то, что онъ сполько безопвязчивъ. Дурно ты дѣлаешь, Омаръ, говорила благосклонно Ремира, я тебя знаю я тебя люблю, но я не смѣю тебя удовольствовать. Омаръ ворчалъ, Ремира смѣялась; приходъ ея дѣдушки кончилъ зрѣлище скоротечное, но сильное, которое извясняло чувствованія ихъ обоихъ.

При столѣ говорили о разныхъ вещахъ; извѣстно, что вельможи много удивительныхъ дѣлаютъ вещей, рассказывалъ между прочимъ спарикъ, иностранцы не могутъ довольно надивиться великолѣпнымъ алеймъ окружающимъ Багдадъ, но злословятъ пагубный мостъ въ городѣ находящійся; на примѣръ: я никогда, даже и въ самый полдень, не прохожу мимо своего дома, Омаръ, что бы мнѣ не зашибить ноги. Омаръ занявъ будучи одною Ремирою, односложными сполько опѣвалъ словами, и не внималъ вопросамъ. Чемъ ты занявъ, говорилъ ему философъ? Омаръ воздыхалъ, пошупилъ глаза, и признавался въ томъ, что происходило. Добрый спарикъ смѣялся смотря на нихъ, и дѣловалъ Ремиру, благодаря ей за воспитаніе, которое она употребляла къ приведенію Омара. Ремира тебя хорошо ведетъ, говорилъ ему, опъ ней то самой ты долженъ зависѣть. При семъ случаѣ сказала Омару любезная дѣвица, если ты, Омаръ, прика-